

СОЗДАНИЕ СИСТЕМЫ ПОДГОТОВКИ НАУЧНО-ПЕДАГОГИЧЕСКИХ КАДРОВ СОВЕТСКОЙ ВЫСШЕЙ ШКОЛЫ В 1920-е гг.

Рассматривается процесс формирования, определяются сущность и основные направления подготовки кадров советской высшей школы в общественно-политических условиях 1920-х гг. Выявляется степень влияния различных факторов, как экономических, так и идеологических, на подготовку новых, идейно убежденных специалистов. Исследованы те направления и формы подготовки молодых ученых советской высшей школы, которые, по мнению автора, могли обеспечить формирование нового профессорско-преподавательского состава в стремительно изменявшихся социально-политических условиях. Раскрывается роль научно-исследовательских институтов при университетах и институтов красной профессуры как основных направлений такой подготовки, создание на их основе аспирантуры с типовыми правилами отбора и приема кандидатов. В статье рассматриваются и отдельные инициативы профессорско-преподавательского состава и студенчества, которые являлись проявлением как продуманной властной политики, так и были спонтанными, хотя и адаптированными к меняющимся общим политическим идеологиям.

The article considers the process of formation, defines the essence and main directions of training of the Soviet higher school in social and political context of the 1920s. Reveals the degree of influence of various factors, both economic and ideological, ideologically committed professionals. Examined the areas and forms of training young scientists of the Soviet higher school, which, in the opinion of the author, can ensure the formation of a new faculty in a rapidly changing socio-political conditions. The role of research institutes at universities and the institutes of red professors as the main directions of such training, the creation on their basis of postgraduate study with standard rules of selection and admission of candidates. The article discusses and individual initiatives of faculty and students, which were the manifestation of power as a deliberate policy, and was a spontaneous, albeit adapted to the changing General political ideologies.

Ключевые слова: высшая школа; студенчество; аспирантура; диссертация; учебный процесс; образование; профессорско-преподавательский состав; студенты-выдвиженцы.

Keywords: high school; students; postgraduate study; thesis; learning process; education; faculty; students-activists.

В дореволюционной российской высшей школе подготовка научно-педагогических кадров осуществлялась в университетах через институт профессорских стипендиатов. Лица, желавшие после окончания университета заниматься педагогической деятельностью, по выбору и рекомендации профессора зачислялись на 2—3 года профессорскими стипендиатами. В течение этого времени они должны были сдать магистерские экзамены, а затем подготовить и защитить магистерскую диссертацию. Кандидаты на профессорские должности защищали еще и докторские диссертации по избранной специальности. Срок работы над магистерской диссертацией составлял обычно 5—7, а над докторской — 10—12 лет [2, с. 50].

Данная система отбора противоречила принципам работы новой советской высшей школы, поскольку партийное руководство рассматривало ее как инструмент создания новой по духу и мировоззрению пролетарской интеллигенции, которой в недалеком будущем отводилась роль опоры и ретранслятора идеологии власти в обществе. В советской и современной

русской историографии отмечалось, что до 1920 г. подготовка молодых ученых осуществлялась по дореволюционной практике. Новая власть не имела достаточного количества подготовленных к научной работе представителей из среды пролетарского студенчества (большая часть партийной молодежи участвовала в Гражданской войне) [8, с. 6]. Но с переходом к мирной жизни, с начала 1920-х гг., пристальное внимание со стороны власти стало уделяться подготовке научных кадров в гуманитарных науках, поскольку эта сфера считалась как важной, так и наиболее опасной. М. Н. Покровским был разработан проект подготовки преподавателей высшей школы, в котором первостепенное значение придавалось подготовке преподавательского состава для факультетов общественных наук. Согласно положениям проекта набор научных работников мог осуществляться из числа студентов последних курсов вузов. Для подбора наиболее подготовленных проводился контроль успеваемости, и наиболее успешным студентам предоставлялось право участвовать в конкурсах по замещению вакантных должностей данного вуза. Однако отличная успеваемость студента не гарантировала ему возможность заниматься научно-преподавательской деятельностью: учитывалось и его социальное происхождение. В этой связи М. Н. Покровский однозначно заявил тезис, что «дальнейшее рекрутирование профессоров общественных наук из буржуазной молодежи следует прекратить» [19, л. 24].

Одновременно предлагалось приступить к систематическому отбору научных сотрудников по общественным наукам из числа партийной молодежи. Многие из них не имели даже законченного высшего образования, поэтому организовывались ускоренные курсы в 1—2 года, которые и стали готовить новый преподавательский состав обществоведов. Для чтения лекций на этих курсах привлекались все члены партии, способные преподавать, но, как отмечалось, «кафедру по общественным наукам представитель буржуазной идеологии занимать не может» [19, л. 25].

И все же такая форма не могла решить вопрос острой нехватки преподавателей-коммунистов по общественным наукам. СНК РСФСР 11 февраля 1921 г. принял решение, что подготовкой научных сотрудников должны заниматься институты красной профессуры (ИКП). Они создавались в Москве и Петрограде в целях подготовки преподавательского состава для преподавания в вузах политминимума, теоретической экономики, исторического материализма, развития общественных форм новейшей истории и советского строительства. Но даже в институты красной профессуры были вынуждены приглашать беспартийных преподавателей [20, л. 26].

В соответствии с решением партийного совещания по вопросам народного образования (декабрь 1920 г. — январь 1921 г.) при университетах стали создавать специальные научно-исследовательские институты для подготовки молодых ученых [12, с. 96]. Наличие подобной параллельной системы подготовки давало партийным органам возможность распределять молодых ученых по двум направлениям: одних направлять в ИКП для подготовки будущей партийной номенклатуры, других — в научно-исследовательские институты при университетах для продолжения научной и преподавательской деятельности. Анализ партийного состава слушателей ИКП и НИИ показывает, что процент членов партии в ИКП был значительно выше, чем в НИИ при университетах. Среди слушателей коммунистических вузов 1923/24 учебного года рабочие составляли 47 %, члены РКП(б) — 73,2 %, комсомольцы — 21 %. В ИКП число рабочих с 1924 по 1928 г. выросло с 21,7 до 39,7 %, притом состав слушателей был почти целиком партийным. В университетских НИИ в 1925/26 учебном году количество членов партии и комсомола составило лишь 11 %, а число рабочих и крестьян — 26,6 % [9, с. 16].

Идеологическая составляющая повсеместно в учебном процессе имела серьезное значение. В университетских НИИ в работе по подготовке будущих ученых активное участие принимала «старая профессура», что не могло не вызывать беспокойства партийного руководства из-за ее политических взглядов. А. В. Луначарский отмечал, что «молодежь — наше бу-

дущее, и контрреволюционную пропаганду среди нее мы допустить не можем, самый маленький перевес может наклонить гири не в нашу пользу, а потому мы берем на себя роль цензора. В марксистских науках мы хотим, чтобы звучал голос марксистской науки» [8, с. 7].

Осенью 1922 г. Агитпропотдел ЦК РКП(б) провел ряд совещаний с представителями «красной профессуры», на которых обсуждался вопрос о мерах снижения или нейтрализации идеологического влияния «старой профессуры» на подготовку научных кадров. В развернувшейся дискуссии высказывались предложения о ликвидации университетских НИИ и сосредоточении подготовки ученых только в ИКП. Однако М. Н. Покровский, В. П. Волгин, Д. А. Магеровский и другие отстаивали необходимость НИИ при университетах, признавая при этом необходимость их реорганизации [6, с. 89]. Важные решения в процессе реорганизации научно-исследовательских институтов были приняты комиссией при Агитпропотделе ЦК РКП(б) 14 ноября 1922 г. [18, л. 11]. В ходе работы комиссии, по предложению Д. А. Магеровского, опиравшегося на практику Института советского права и Института истории права, было принято решение обратить особое внимание на отбор научных сотрудников. В их число рекомендовалось принимать «исключительно членов РКП и беспартийных марксистов». До января 1923 г. необходимо было провести проверку и реорганизовать институты по общественным наукам в Москве, Петрограде и в провинции. Признали необходимым переподчинить руководству Государственного ученого совета при Наркомпросе РСФСР (ГУС) институты, существовавшие при различных государственных учреждениях РСФСР, а также с его участием предлагалось обсудить перспективы научно-исследовательских институтов при комвузах. В ходе реорганизации, проводимой научно-политической секцией ГУС и Агитпропотделом ЦК РКП(б), НИИ при университетах объединялись в ассоциации (в июне 1924 г. был создан РАНИОН). Эта мера позволила усилить идеологическое влияние в руководящих органах институтов и сконцентрировать управление ими в ГУС при Наркомпросе РСФСР.

Для более широкого использования потенциала выпускников вузов президиум ГУС 24 апреля 1923 г. утвердил положение о порядке их оставления в вузах, в которых не было НИИ. В нем указывалось, что предназначенные для подготовки к научной деятельности лица, как правило, командировются в существовавшие в РСФСР НИИ в качестве научного сотрудника второго разряда по соответствующей специальности [3, л. 63]. Следующим шагом стало проведение приема слушателей, основанного на принципах классового отбора с учетом социального происхождения и лояльного отношения к советской власти.

В подготовке новых научно-педагогических кадров Наркомпрос РСФСР до середины 1920-х гг. не смог создать единого механизма, которым можно было бы заменить дореволюционную систему. Наличие нескольких способов подготовки научных работников — ИКП и университетские НИИ — обусловило организационные и методические сложности, усиленные немногочисленностью проверенной «красной интеллигенцией». Поэтому создаваемая в начале 1920-х гг. сеть комуниверситетов и НИИ при университетах не была укомплектована научно-педагогическими кадрами. Особенно остро стоял вопрос об отсутствии необходимого резерва кандидатов из числа пролетарской молодежи и, как следствие, нового поколения научных работников. Первые выпуски из университетов нового, пролетарского контингента специалистов начались лишь с середины 1920-х гг. Подготовка новых кадров шла медленнее, чем предполагалось, и явно начинала отставать от темпов экономического развития страны. В газете «Правда» от 4 ноября 1924 г. вышла коллективная статья «Воспроизводство научной рабочей силы». Ее авторами были Л. Н. Крицман, Д. В. Кузовков, А. К. Тимирязев. В статье выражалась озабоченность проблемой подготовки научных кадров. В частности, указывалось, что с 1914 г. в России при недостатке научных сил почти прекратилось ее воспроизводство. Масштабы современной подготовки кадров, по утверждению авторов, невелики. Предлагалось расширить обучение университетских преподавателей и материально поддержать молодых научных работников [7, с. 2].

По предварительным расчетам Госплана, проведенным в 1925 г., к концу 1920-х — началу 1930-х гг. в системе высшего образования СССР должен был образоваться дефицит профессорско-преподавательского состава (около 6 тыс.). К примеру, в конце 1925/26 учебного года в вузах РСФСР имелось 47 вакансий заведующих кафедрами, а с учетом того, что многие профессора совмещали руководство на нескольких кафедрах одновременно, то это еще более подчеркивало проблему нехватки специалистов [9, с. 17].

Формирование новых научно-педагогических кадров, способных осуществить реорганизацию высшей школы и воспитать марксистских специалистов, приобрело значение особо важной политической задачи после того, как на XIV съезде партии был провозглашен курс на индустриализацию страны. В феврале 1925 г. при Агитпропотделе ЦК ВКП(б) была создана комиссия по подготовке научных работников. В ее состав вошли К. А. Попов (от АПО), М. Н. Покровский, О. Ю. Шмидт, Н. И. Челяпов, В. П. Волгин, Д. В. Кузовков (от Наркомпроса РСФСР), Н. И. Лобода (от Секции научных работников), Н. А. Семашко (от Наркомздрава). В материалах работы комиссии можно проследить, как обсуждались различные варианты темпов и масштабы подготовки, вопросы руководства всей системой подготовки и состав будущих научных работников. Предлагались различные темпы подготовки, начиная с минимальной программы Главпрофобра, согласно которой норма трехлетней подготовки составляла 1,33 тыс. человек с ежегодным выпуском 600 специалистов, и заканчивая предположением О. Ю. Шмидта довести норму до 6 тыс. и 2 тыс. чел. соответственно. В процессе обсуждения выдвигались и другие предложения. М. Н. Покровский предлагал выпускать в год тысячу научных работников и одновременно вести подготовку 3 тыс. По мнению Д. В. Кузовкова, необходимо было ориентироваться на цифры 1,2 тыс. и 3,6 тыс. соответственно. В итоге была выработана общая позиция: нормой единовременной подготовки научных работников признали 2 тыс., а нормой выпуска — 600 чел. [6, с. 90].

С 3 июля 1925 г. начала работать созданная при ГУС комиссия по подготовке научных работников, руководителем которой стал М. Н. Покровский. В ее состав входили представители ГУС, Главнауки, Секции научных работников. Комиссия должна была осуществлять общий контроль за подготовкой аспирантов, но вначале разработать ряд нормативных актов. Ими стали: Инструкция о подготовке научных сотрудников по общественным дисциплинам, циркуляры о руководстве подготовкой научных работников в социально-экономических вузах, в вузах и научных институтах по прикладным, точным и естественным наукам. Формирование кадров по социально-экономическим и политическим дисциплинам в 1925/26 учебном году осуществлялось только в московских и ленинградских НИИ. Механизм контроля за подготовкой молодых ученых заключался в систематической проверке отчетов аспирантов и оценке этих отчетов экспертами. В компетенцию комиссии входил широкий круг вопросов: распределение ассигнований, утверждение списков аспирантов, рассмотрение их отчетов. По окончании аспирантуры должна была защищаться диссертация. Кроме того, комиссия рекомендовала для представителей точных, естественных и медицинских наук дополнить аспирантуру обязательной заграничной командировкой [16, с. 4].

Срок обучения в аспирантуре устанавливался не более трех лет. Начиная со второго года обучения вводилась обязательная ассистентская практика под руководством профессора. Программа научной и педагогической работы аспирантов, списки тем и материалов, практические задания по специальности составлялись предметными комиссиями вузов [2, с. 90]. Принцип классового подхода к подбору кандидатов в аспирантуру был определяющим. Ректор Ленинградского педагогического института профессор Б. А. Фингерг, в частности, отмечал, что «для рабочего государства не может не иметь значения общественное лицо будущего научного работника, рабочему государству нужны не просто научные работники, но такие научные работники, которые в то же самое время были бы и советскими общественными работниками» [22, с. 18].

В результате предпринятых усилий произошли изменения в количественном и социальном составе аспирантуры. Общее количество аспирантов в 1925/26 учебном году составило 1279 чел., а уже в следующем — 1802. Их социальный и партийный состав, тем не менее, не отличался «пролетарскими» показателями: из рабочих было лишь 8 %, крестьян — 21 %, а вот из интеллигенции и служащих — 50 %, не дали сведений о своем социальном статусе — 21 %, членов ВКП(б) и ВЛКСМ — 16 % [13, с. 64]. Сравнительный анализ данных с предыдущим учебным годом показывает, что процент пролетарской молодежи в составе аспирантуры остался на прежнем уровне, но к 1926/27 учебному году несколько вырос процент партийной молодежи — с 11 до 16 % [17, с. 64]. В качестве конкретного примера можно привести состав аспирантов одного из крупнейших советских университетов — И МГУ. В нем в 1928/29 учебном году из 122 аспирантов всего лишь 24 чел. (20 %) являлись членами партии или комсомольцами [14, с. 7]. В аспирантуре экономико-географического отделения этого университета на двух курсах обучался 31 аспирант. По социальному признаку распределение было таким: 7 рабочих, 15 крестьян и 9 служащих. По партийной принадлежности: членов ВКП(б) — 12 чел., ВЛКСМ — 14 чел., беспартийных — 5 чел. [5, с. 28].

Подобная ситуация никоим образом не могла соответствовать планам формирования пролетарских по происхождению и убеждениям кадров высшей школы. Однако партийно-государственным органам приходилось исходить из реального положения вещей: вузовские кафедры могли занимать по-настоящему квалифицированные профессиональные специалисты. Поэтому даже в 1929/30 учебном году при приеме аспирантов была поставлена задача довести число коммунистов в их рядах всего лишь до 40 % [11, с. 314]. В целях усиления идеологической подготовки в аспирантуре вводилась обязательная сдача экзамена по политминимуму. Лица, не сдавшие данный экзамен, подлежали исключению из состава аспирантуры [10, л. 144].

Отмечая изменения, внесенные комиссией ГУС в процесс подготовки аспирантов, подчеркнем и изменения в системе подготовки к поступлению в аспирантуру. Для предоставления студентам, имевшим склонности к научной деятельности, лучших возможностей «научно определиться» и тем самым успешно готовиться к поступлению в аспирантуру, Центральное бюро пролетарского студенчества в 1925 г. представило Главпрофобру проект положения о студентах-ассистентах, в котором предлагалось осуществлять подбор и подготовку марксистски подготовленных научных работников из представителей пролетарского студенчества старших курсов. Причем их выдвижение осуществлялось рядом структур: предметными комиссиями, деканатами, правлениями вузов [4, с. 56]. На основе предложения ЦБПС президиумом ГУС 23 июня 1926 г. разработал положение о создании института студентов-выдвиженцев. В соответствии с положением на последних двух курсах для научной работы отбирались способные выпускники — преимущественно из представителей пролетарского студенчества. Таким образом, создание института студентов-выдвиженцев должно было облегчить регулирование социального состава аспирантов и увеличить партийное ядро среди них. Им предоставлялась возможность углубленной подготовки по избранной специальности под руководством научного руководителя из числа преподавателей вуза. В конце каждого учебного года студент-выдвиженец представлял в предметную комиссию доклад по теме с отзывом руководителя. Выдвиженцам предоставлялись первоочередное право на получение стипендии, пользование книжным фондом, занятие в лабораториях и получение мест в общежитиях. По окончании вуза студенты-выдвиженцы имели преимущественное право поступления в аспирантуру.

В ряде случаев выдвиженец требовал гарантий будущего трудоустройства в вузе, однако такая их инициативность пресекалась. По этому поводу указывалось: «Мы выдвигаем тебя к научной работе, но никаких гарантий мы тебе не даем. Ты можешь закончить вуз и, будучи выдвиженцем, поехать в деревню на работу» [21, с. 7]. В вузах РСФСР к концу 1928/29 учеб-

ного года насчитывалось 750 студентов-выдвиженцев, но их социально-партийный состав был достаточно пестрым: из рабочих — 16,5 %, крестьян — 35,3, служащих — 36,5, прочих — 11,7, членов партии — 21,9, членов ВЛКСМ — 28,7 % [21, с. 8].

Из-за недостатка финансирования не все выдвиженцы обеспечивались стипендиями, и ежегодно от 50 до 70 % таких студентов были вынуждены покидать вузы. Реализация идеи выдвиженчества оказалась под угрозой, поскольку студенты все менее охотно желали продолжать обучение. Например, когда студентам последних курсов педагогического факультета II МГУ было предложено подать заявления для продолжения научной работы в качестве выдвиженцев, то многие отказались [1, с. 6].

В 1929 г., обобщив первый опыт деятельности института выдвиженцев, ЦК ВКП(б) в своем постановлении «О научных кадрах ВКП(б)» оценил его развитие, «как крайне необходимое для улучшения подготовки научной смены». Отмечалось: «Считать развитие института студентов-выдвиженцев делом, крайне необходимым для улучшения подготовки научной смены». Этим решением устанавливалась норма численности приема в аспирантуру членов партии — 60 %. Следовало принимать в первую очередь студентов-выдвиженцев, показавших свою пригодность к научной работе [11, с. 314].

Проблема нехватки профессорско-преподавательского состава необходимой качественной подготовки и идеологически сформировавшегося, пролетарского происхождения интересовала не только Наркомпрос РСФСР, Агитпропотдел ЦК и другие партийно-государственные органы, но также само студенчество и профессорско-преподавательский состав вузов. Студенческая пресса публиковала предложения по изменению ситуации. В качестве возможных вариантов предлагалось нехватку преподавателей ликвидировать путем создания при вузах научно-педагогических институтов с сокращенным сроком обучения до четырех месяцев. Отмечалась необходимость создания более комфортных условий для их учебы, например выделение слушателям повышенной стипендии до 125 р. [24, с. 24]. Профессор Г. П. Передерий предложил свой вариант подготовки преподавательского состава для технических вузов: «Выпускник вуза отправляется на производственную работу, если у него живая душа — он начинает более глубокое изучение своего дела с помощью литературы... Стипендия ему не нужна, зарплата обеспечивает его существование, у него вечера свободны от служебных занятий. Он начинает писать статьи все более сильные... Через пять — десять лет такой работы готов специалист, и будет готов профессор» [15, с. 14]. В свою очередь, профессор Л. Р. Надеждин высказывал мнение, что ни один честный инженер не должен идти в вуз для замены увольняемых оттуда профессоров [23, с. 11].

Несмотря на очевидные трудности и издержки, за 1920-е гг. удалось сформировать стройную и эффективную систему подготовки научно-педагогических кадров для высшей школы, создать такой организационный и учебный механизм, который стал одним из важнейших элементов пролетаризации высшей школы в целом. Практика двух путей подготовки ученых, использовавшаяся с 1921 г. (ИКП и университетские НИИ), позволила в течение 3—5 лет не только разработать программу и методику обучения и воспитания советских научных работников, но с 1925 г. ввести единый институт аспирантуры с типовыми правилами отбора и приема кандидатов. Взятый курс был продолжен и совершенствовался на протяжении не только последующих 1930-х гг., но в основе своей определил «подготовку кадров высшей квалификации» вплоть до настоящего времени.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКИЕ ССЫЛКИ

1. В. Кризис выдвиженчества // Красное студенчество. 1930. № 29. С. 6.
2. Галкин К. Т. Высшее образование и подготовка научных кадров в СССР. М. : Совет. наука, 1958. 176 с.

3. Государственный архив Российской Федерации. Ф. 1565. Оп. 1. Д. 2 — Постановления ВЦИК и СНК по вопросам профессионального образования.
4. *Д.* О студентах-ассистентах // Красное студенчество. 1926. № 1. С. 56—58.
5. *Заславский М.* Аспиранты МГУ // Красное студенчество. 1931. № 45—48. С. 28.
6. *Иванова Л. В.* У истоков советской исторической науки (Подготовка кадров историков-марксистов в 1917—1929 гг.). М.: Мысль, 1968. 197 с.
7. *Крицман Л. Н., Кузовков Д. В., Тимирязев А. К.* Воспроизводство научной рабочей силы // Правда. 1924. С. 2.
8. *Луначарский А. В.* Речь на Всероссийской конференции вузов // Народное просвещение. 1921. № 82. С. 6—8.
9. *М.* Аспиранты // Красное студенчество. 1926. № 11. С. 16—17.
10. Национальный архив Республики Беларусь. Ф. 205. Оп. 1. Д. 272 — Справозадача аб працы аспірантаў БДУ за 1928/29 акадэмічны год.
11. О научных кадрах (Постановление ЦК ВКП(б) от 26/VI 1929) / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения / Ин-т планирования и организации нар. обр. 3-е изд., пересм. и доп.; под ред. И. Д. Давыдова. Л.; М.: Наркомпрос РСФСР — Огиз, 1931. С. 314.
12. О реформе высшей школы / Резолюции партийного совещания по вопросам народного образования / Директивы ВКП(б) по вопросам просвещения. Л.; М.: Наркомпрос РСФСР. Транспечать, 1929. С. 96.
13. Общий состав аспирантов на 1 января 1927 г. // Красное студенчество. 1927. № 4. С. 64.
14. *Пелисов П.* Сын купца из крестьян // Красное студенчество. 1929. № 7. С. 7.
15. *Передерий Г. П.* К вопросу о подготовке научных работников // Красное студенчество. 1927. № 9. С. 14.
16. *Покровский М. Н.* Подготовка научных работников // Науч. работник. 1926. № 2. С. 4.
17. *Попов К. А.* Общий состав аспирантов на 1 января 1927 г. // Красное студенчество. 1927. № 4. С. 64—65.
18. Российский государственный архив социально-политической истории (РГАСПИ). Ф. 17. Оп. 60. Д. 162 — Протоколы заседания комиссии Агитпропотдела ЦК РКП(б).
19. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60 — Политическая работа в высшей школе. Тезисы М. Н. Покровского.
20. РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 60. Д. 60 — Политическая работа в высшей школе. Тезисы О. Ю. Шмидта.
21. *Самарин А.* О студентах-выдвиженцах // Красное студенчество. 1928/29 уч. г. № 5. С. 7—8.
22. *Фингерст Б.* О подборе и подготовке молодых научных работников // Красное студенчество. 1927. № 9. С. 18.
23. *Чудновский Н.* Разрушим академический феодализм // Красное студенчество. 1929. № 11. С. 11.
24. *Шохор М.* Кадры для подготовки кадров // Красное студенчество. 1929. № 3. С. 24.

Статья поступила в редакцию 18 сентября 2015 г.